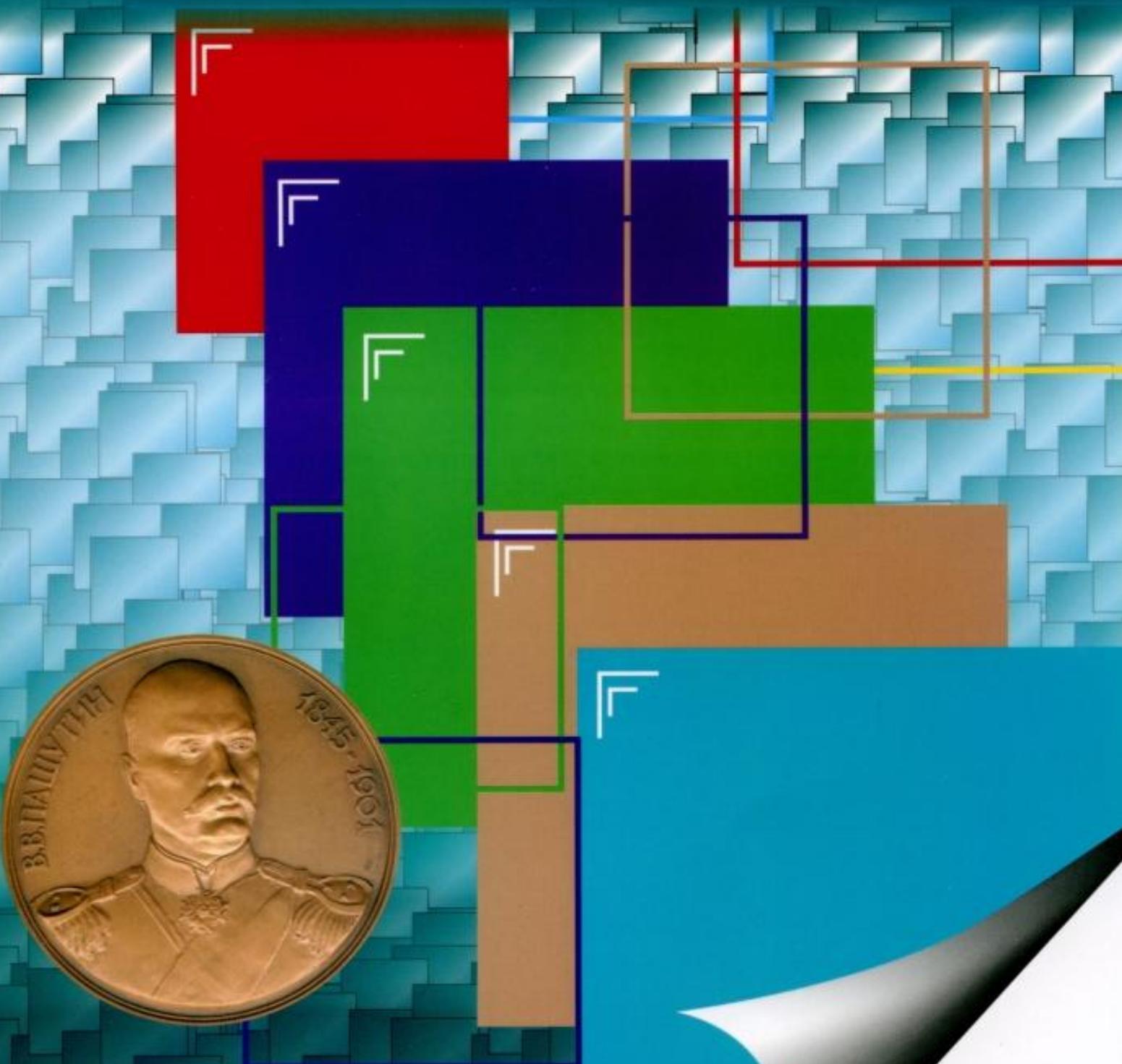

ISSN 1683-9102

КЛИНИЧЕСКАЯ ПАТОФИЗИОЛОГИЯ

CLINICAL PATHOPHYSIOLOGY

2 • 2014

ПОБЕДА НА УГРЕ

Ю. Г. Алексеев, заслуженный деятель науки РФ, профессор

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет Правительства Российской Федерации»,
Санкт-Петербург

Abstract. The opposition of a Moscow sovereign Ivan the third and a Horde leader Ahmat at Ugra river resulted in the annihilation of the Tatar-Mongol yoke. A defence in that case is the best way of action. The refusal from the offensive connected with great casualties allowed to keep the fighting efficiency of our troops and to achieve the crucial result having the most economy of forces. The whole thing is the campaign of 1480 is an example of a harmonical combination of the farsighted and firm state policy and a talented strategy and skilled operational tactical leadership of the troops. The great victory at Ugra river is not only the salvation and glory of Russia but it is also an outstanding achievement of the military art.

Key words: Ivan III, Ugra river, Moscow, Ahmat, the Tatar-Mongol yoke.

Победа на Угре — выдающийся феномен военного искусства, не имеющий аналогов в средневековой Европе. Победа одержана при максимальной экономии живой силы войска.

На рубеже 1479 и 1480 гг. русское государство подвергается серьезным испытаниям. В декабре 1479 г. обнаруживается «коромола» (крамола, заговор) новгородских бояр-сепаратистов во главе с архиепископом Феофилом с целью отторжения Новгорода от Русского государства. Великий князь Иван III со своими войсками вступает в Новгород, архиепископ отправлен в Москву, и его богатая «казна» конфискована. Казнены и другие участники заговора, а земли их конфискованы.

Во время пребывания великого князя в Новгороде произошло тревожное событие — Ливонский орден напал на Псковскую землю. По словам Псковской летописи, 1 января 1480 г. «пригони изгоном [внезапно] немцы на крестном целовании [нарушив мирный договор], мастеровы люди да арцбыкупли, да Вышегородок взяли». Немцы сожгли городскую стену и церковь Бориса и Глеба, «а мужей и жен и деток

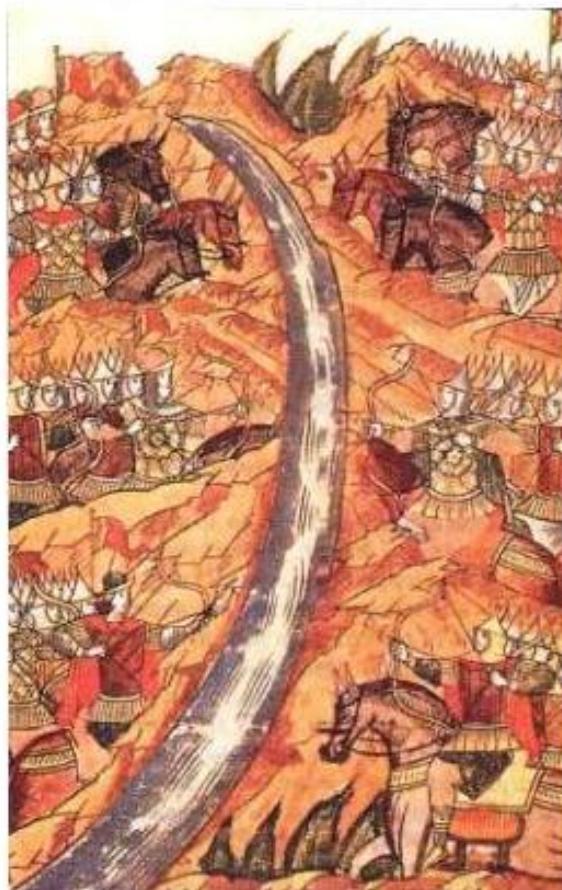

Рис. 1. Великое сражение на Угре (гравюра)

малых мечи исsekli». Уцелевших жителей городка немцы повели в плен. По звону вечевого колокола во Пскове началась мобилизация.

20 января немцы появились под стенами Гдова — другого псковского «пригорода». Они осадили город, открыли по нему артиллерийский огонь, сожгли посад (дома граждан, живущих вне крепостных стен) и стали опустошать окрестности Гдова. «Бяше велми притужно граду» — хоть немцам его взять не удалось, они разорили все волости. Во Псков прибыли вой-

ска великого князя московского во главе с воеводой князем Андреем Никитичем Ногтем Оболенским. Пробыв три дня во Пскове, московские войска вместе с псковичами выступили в поход. Уничтожив после трехдневной осады немецкое укрепление на берегу Чудского озера, русские войска подошли к Дерпту (немецкое название захваченного ими еще в XIII в. русского города Юрьева) и, простояв под городом один день, повернули обратно «с полоном, добытком» и трофеями. 20 февраля войска вернулись во Псков. Простояв здесь три дня воевода, князь Оболенский «прочь поехал со своим войском на Москву».

Для псковичей это было полной неожиданностью. Напрасно они слали ему вдогонку своих посадников «бити челом», чтобы возвратился назад к Пскову». Воевода не принял псковского челобитья. Впервые за 20 лет своего подчинения Москве (т. е. включения в состав Русского государства) Псков оказался предоставленным собственным силам.

В чем же причина этого? Московская летопись пишет лаконично: «Тое же зимье братья князи великие, князь Андрей Большой да князь Борис отступиша от великого князя и княгини свои отпустиши в Ржеву». В стране начался феодальный мятеж.

По духовной грамоте (завещанию) великого князя Василия Васильевича (так называемого Темного), каждый из его сыновей получил «удел» в великом княжестве Московском. Это – общепризнанная норма Средневековья. Сын князя должен быть князем, иначе он – «изгой», человек, выбитый из жизни.

Едва ли не самый мудрый и могущественный из английских королей Генрих II, владевший большей частью Франции, разделил перед смертью огромную державу. Королями стали отважный Ричард Львиное Сердце, глупый и ничтожный Иоанн Безземельный и Джон II.

Со времен Ярослава Мудрого каждый русский князь в своем уделе пользовался полным суверенитетом, признавая над собой только «старейшинство» – авторитет великого князя и соблюдал «одинчество» – единство.

Московские князья, потомки Ивана Калиты, были связаны между собой союзом, в основе которого лежали три положения: обязательство взаимной военной поддержки, руководящая роль старшего

и незыблемость прав младших князей на свои уделы и на своих служилых людей.

Великий князь Василий Васильевич всю жизнь проводит в борьбе с удельными князьями и перед смертью становится реальным главой великого княжества Московского. Но по своей духовной власти он в силу неколебимой традиции возрождает удельную систему, создавая потенциальную возможность новой княжеской усобицы. Великий князь Иван Васильевич, стремясь к единству России, с самого начала ограничивает права и власть своих удельных братьев. Новая политика государственного единства вступает в противоречие с привычной удельной стариной. В этом противоречии – суть мятежа, разразившегося зимой 1480 г.

Если агрессия со стороны ордена угрожала северо-западным рубежам страны, то феодальный мятеж мог охватить центральные уезды великого княжества Московского иставил под удар политическую систему, созданную Иваном III. Отсюда понятно решение отзывать войска с театра Ливонской войны и сосредоточить внимание на локализации мятежа удельных князей, предоставив оборону Псковской земли ее собственным силам. Поднимая свой мятеж, князья, видимо, не рассчитывают на поддержку со стороны населения Московской земли – они тянутся к окраинам, еще недостаточно связанным с центром страны. Они обращаются за помощью к королю Казимиру «чтобы науправил в их обидах с великим князем и помогл». Это обращение – на грани прямой государственной измены – открытый призыв к польско-литовской интервенции.

В этих условиях великий князь Иван принимает все меры для мирного урегулирования кризиса. В Великие Луки – пограничный с Литвой город, где засели мятежники, отправляются посольства великого князя. Однако, надеясь на помощь короля, мятежники не идут на соглашение с великим князем. Неудача посольства во главе с архиепископом Вассианом приводит к разрыву переговоров.

Феодальный мятеж фактически захлебнулся. В феодальную войну он не перерос. Мятежникам не удалось создать себе сколько-нибудь широкой социально-политической базы внутри страны. Захваченные в Великих Луках, князья оказались в полной политической изоляции, в состоянии своего рода бойкота. Горожане

и сельчане Русской земли не могли сочувствовать политике консервации и реставрации удельного сепаратизма и княжеским усобицам — времена Шемякинской смуты ушли в прошлое.

Агрессия Ливонского ордена продолжается после отзыва великокняжеских войск. Рыцари идут к самому Пскову «жгучи и палячи Псковскую волость, а в Пскове видети дым и огонь». Используя свою закованную в броню конницу, магистр Ливонского ордена фон дер Борх продолжает наносить удары по псковским пригородам. Немцы берут и сжигают городок Кобыльи в 50 верстах от Пскова на берегу Чудского озера. Наибольшего размаха агрессия ордена достигает в конце августа. Магистр подходит в Пскову «и сташа по всему Завелицкому полю шатрами». Впервые за много десятилетий под стенами Пскова появилось большое вражеское войско.

Магистр не сразу штурмует город, а ожидает подхода войск своего союзника-вассала епископа Дерптского. Эти войска идут по Чудскому озеру в парусно-гребных судах — шнеках. На шнеках привезено «множество ратного запаса» и продовольствия. Получив подкрепление, магистр готовится к штурму. Начинается сильный артиллерийский обстрел города из тяжелых и легких орудий. Псков впервые подвергается такому испытанию. Псковичи мужественно и стойко готовятся к отражению штурма.

Пользуясь благоприятным ветром «от Завеличья на град», немцы пытаются применить брандеры. Собрав «по Завеличью оставшиеся древеса и жердье, и солому», они складывают горючий материал в два учана [большие лодки], поливают смолой, зажигают ипускают по ветру на псковскую сторону.

Под прикрытием артиллерийского огня и пылающих брандеров начинается форсирование реки Великой. Нагрузив в каждую шнеку по сотне воинов, немцы переплывают реку ниже крепости, в Запсковье, и пытаются выйти на берег. Но псковичи не допускают этого. Бросая с крепостных стен камни, они секирами и мечами отбивают атаку немцев, захватывают одну шнеку и заставляют другие повернуть обратно.

Псков спасен. Немцы, дождавшись ночи «побегоша, а шнеки своя пометавшее».

«Того же лета злойменитый царь Ахмат Большие Орды поиде на православное христианство, на Русь, святые церкви и

великого князя». Грозная опасность дополняется страшным бедствием.

«Месяца марта в 29 день в 6 часов ноши, с четверга противу пятницы, загореся Москва внутри града... и горе ночь ту всю, и 4 часа дни [т. е. примерно 10 часов утра], егда сам князь великий со многими людьми переметами и угасили».

В этих сложных условиях основная задача государственного руководства в лице великого князя — определить направление, на котором развернуть главные силы страны. Ахмат «совет учиниша с королем прийти царю от себя Полем, а королю от себя».

Ахмат «похвалился разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя яко же и при Батыи беше. А с царем вся Орда, и братаничъ его царь Касым, да шесть сыновей царевых».

Широковещательные цели похода Ахмата, поддерживаемые летописным известием, не имеют аналогии в рассказах о предыдущих ордынских ратях. За сто лет, прошедших после Куликовской битвы, в летописях только один раз упоминается имя Батыя: в 1395 г. Тимур Аксак хотел «аки второй Батый, разорить христианство». В представлении летописца Ахмат ставится на одну доску не только с Батыем, но и с грозным, ненадежным и беспощадным Тимуром — Тамерланом.

На грозную опасность, нависшую над Русской землей, указывает масштаб сил, двинутых Ахматом: племянник Касым, шесть «царевичей», по-видимому, вся Большая Орда, все силы, находящиеся в распоряжении хана. Осеню 1408 г. с Едигеем шли четыре «царевича», а состав его войска исчислялся, по-видимому, несколькими десятками тысяч человек — только в погоню за великим князем Василием Дмитриевичем было послано 30 тыс. отборной конницы. Эта цифра дает общее представление о масштабах вторжения и о впечатлении, которое оно произвело на современников. Нет основания сомневаться, что Ахмат, распоряжавшийся всеми силами Орды, располагал значительно большим войском, чем Едигей — удачливый воевода хана Булата.

Летом 1480 г. Русской земле грозит не очередной поход Орды, а нашествие такого масштаба и с такими целями, которые заставляли вспомнить времена Батыевой рати.

Орда Ахмата не спешила вступать в сражение. Используя наиболее благопри-

ятное время для выпаса коней, она как туча нависла над южным рубежом, сковывая русские силы на огромном протяжении оборонительного рубежа от Коломны до Тарусы.

Выдвижение Ахмата к верхнему течению Дона, о чем известно русскому командованию (очевидно, благодаря хорошо поставленной разведке), указывает на возможность нанесения удара по среднему (между Серпуховом и Коломной) или восточному (ниже Коломны) участкам оборонительной линии.

В воскресенье, 23 июля, святая Владимирская икона Божьей матери торжественно обносится вокруг Кремля. В этот же день великий князь «поиде сам к Коломне».

Коломна — «вкуснейший» стратегический пункт русской оборонительной линии. Она непосредственно прикрывает Москву. Войска, сосредоточенные в Коломне, легко могут быть направлены и во фланг противнику, пытающемуся перейти Оку выше Коломны, и на восточный участок оборонительной линии в сторону Рязани.

Своевременное развертывание главных сил русских войск на оборонительном рубеже Оки оказывает решающее влияние на все последующие события.

«Слышав же царь Ахмат, что на тех местах на всех, где прити ему стоят противу ему с великими князи [Иваном III и наследником Иваном Молодым] многие люди, и царь поиде в Литовскую землю, хотя обойти же Угру».

Ахмат вынужден отказаться от попыток форсирования Оки на центральном участке, что в 2–3 перехода вывело бы его к Москве (от Коломны до Москвы около 90 верст, от Серпухова — около 75 верст), и предпринять обходное движение.

Обходный маневр Ахмата своевременно обнаружен. «И князь великий повеле тако ити сыну своему и брату своему князю Андрею Васильевичу Меньшому в Калузе и Угре на Берег».

Как естественная преграда Угра значительно уступает Оке. Угра сравнительно неширока, изобилует узкими местами и бродами. Защита ее на широком фронте — задача, значительно более сложная, чем оборона широкой полноводной Оки. От устья Угры до Москвы — 150 верст, т. е. не более чем 3–4 конных перехода. Ахмат сохраняет возможность стремительного удара по русской столице, причем с неожиданного, необычного направления.

Движения Ахмата в западном направлении облегчает соединения его с Казимиром и реализацию литовско-ординарского союзного договора.

В конце сентября опасность, нависшая над Русской землей, становится наиболее реальной. Ухудшение обстановки заставляет принять чрезвычайные меры.

В Москве состоится правительственное совещание с участием высших руководителей государства и церкви. 30 сентября, после более чем двухмесячного пребывания с войсками в Коломне, «прииде великий князь на Москву на совет и думу». В «совете и думе» принимают участие митрополит Герандий, Мария Ярославна (в иночестве Марфа), мать великого князя, дядя великого князя князь Михаил Андреевич Верейский, архиепископ Ростовский Вассиан, а также «все бояре, все богда бе тогда в осаде на Москве».

«Совет и дума» молит великого князя «великим молением, чтобы крепко стоял за православное христианство против бесерменству», единодушно выступает в поддержку политической линии на борьбу с Ахматом, т. е. именно той линии, которая фактически уже проводится великим князем. Теперь эта линия торжественно санкционируется церковью: «митрополиту убо со всем боголюбивым собором тебя, государя нашего благословавшю». Борьба с Ахматом приобретает характер нравственной обязанности православного государя. Морально-политическая база правительства Ивана III расширяется и существенно укрепляется.

Москва приводится в осадное положение. В ней собралось «многое множество народа от многих градов». Это официальное известие можно понять так, что ряд городов прифронтовой полосы уже эвакуирован и их население стекается в Москву под защиту крепостных стен Кремля.

«Великий князь осадив грады свои воеводами крепкими». Сожжена Кашира — городок на правом берегу Оки, которому угрожала участь Алексина, взятого бойцами штурмом и сожженного со всеми жителями в 1472 г.

Эвакуирован Дмитров — население его переведено «в осаду Переяславля».

Оба города — в 180–200 верстах от оборонительного рубежа Оки. Можно думать, что перевод населения из Дмитрова в Переяславль вызван тем, что Переяславль лучше укреплен и может выдержать нападение татар.

Оборонительные мероприятия проводятся на широком фронте и на большую глубину, охватывая и тыловые районы на вероятных путях вторжения.

Учитывается исторический опыт. В 1382 г. Тохтамыш не только взял и сжег Москву, но и свою силу «распустил по земле воевати, и иные ходиша к Звенигороду, иные к Волоку и к Можайску и иные к Дмитрову, а иные рать пошла на Переяславль».

В 1408 г. Едигей не смог взять Москву, но распустил свои войска «по всему княжению, и не остался такого места, иде же не были Татарове». Страна была разорена «от земли Рязанские и до Галича, и до Белоозера». В числе взятых и разоренных городов называют Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец.

В 1439 г. Улу-Мухаммед отступает от Москвы, которую не смог взять, разорил и выжег землю «досталь Коломны».

Подготовка оперативного тыла говорит о намерении оказать решительное сопротивление с реальным учетом тактики противника.

В случае прорыва через оборонительную линию русских войск ордынцы даже при коучном своем поражении могут, используя маневренность своей конницы, разорить обширные районы, сжечь города и принести неисчислимые бедствия населению. Вот почему еще в 1467 г. во время своей первой войны с Казанью («Первая Казань») великий князь прежде всего привел в оборонительное состояние Муром, Нижний Новгород, Кострому и Галич — им велено было «сидети в осаде, стерегися от Казани».

В 1480 г., при гораздо более опасной обстановке, обеспечивается по мере возможности безопасность жителей.

В оборонительное состояние приводится сама столица. Она находится в непосредственной близости от линии фронта.

Даже с учетом осенней распутицы ордынская конница с берегов Угры может достичь Москвы за 5–6 переходов.

Организация обороны Москвы имеет огромное политическое и стратегическое значение. В случае прорыва ордынцев за Угру и выступление Казимира Московская крепость (Кремль) становится фактором, определяющим судьбы всей войны. Опираясь на эту крепость, русские войска имеют шанс нанести поражение противнику даже при его первоначальных успехах.

Приведение в оборонительное состояние огромного города, в который стеклись и жители обширной округи, — чрезвычайно трудное дело, сопряженное с большими материальными жертвами. Главная из них — сожжение посада — ликвидация дворов, жилищ и хозяйственных построек основной массы населения столицы — посадских людей, рядовых горожан. При подходе врага к Москве посад всегда горит. Так было еще когда к Москве подходил грозный Ольгерд — великий князь Литовский, проигравший в конечном счете борьбу с Дмитрием Донским. Посад сжигается, его жители собираются под защиту тогда еще белокаменного Кремля. Они теряют имущество, но сохраняют свою жизнь.

Сожжение посад — важная оборонительная мера. Деревянные строения посада могут быть использованы в качестве «примета» при штурме крепостных стен.

Сожжение посад — мера непопулярная. Она непосредственно затрагивает жизненные интересы многих тысяч горожан, большой социальной силы, с которой нельзя не считаться. Вопрос о приведении Москвы в осадное положение — не только важное, но и социально-политическое мероприятие.

Почти тридцать лет, со времени деского набега ордынского «царевича» Мазовши, москвичи не видели врага под своими стенами. С тех пор как в 1459 г. молодой наследник Василия Темного будущий Иван III отразил орду Сеид-Ахмеда через Оку, крупные силы татар не появлялись на русском берегу Оки и столица жила относительно спокойно.

Приведение Москвы в осадное положение требует частичной эвакуации столицы — вывоза из нее государственной (государевой) казны и семьи великого князя. Предполагалось, по-видимому, эвакуировать обеих великих княгинь — мать великого князя Марфу (Марию Ярославну) и Софью Фоминичну с малолетними детьми.

Великая княгиня Софья с детьми и казна великого князя отправляются на Белоозеро в сопровождении наиболее надежных людей — бояр Василия Борисовича Тучки Моравы, Андрея Михайловича Плещева и дьяка Василия Долматова.

Но видавшая виды старуха Марфа отказалась от эвакуации и с дороги возвратилась в Москву; как когда-то ее свекровь Софья Витовтовна, пережившая в Москве

штурм «царевича» Мазовши, она решила остаться в столице. Митрополит Герантий, архиепископ Вассиан Ростовский и другие церковные иерархи были членом, чтобы великая княгиня Марфа «не оставила православного христианства»: «не прези слезих и возвратися во град... Во граде же быть не мала радость о возвращении велика княгини».

Можно предполагать, что члены иерархов, их «моления и слезы» в немалой степени вызваны позицией московских горожан. Московские горожане готовятся к осаде и опасаются появления вражеских полчищ под стенами столицы.

В пребывании в осажденном городе высших церковных иерархов и матери великого князя они видят реальный залог упорной, бескомпромиссной обороны Москвы.

Посадские люди отнюдь не пассивно относятся к обороне столицы. Они с полным основанием видят в этом свое кровное дело.

В июле 1445 г. в трагической битве под Суздалем в плену оказался великий князь Василий Васильевич и создалась угроза появления перед стенами столицы войска казанских «царевичей». Московская «чернь» взяла оборону города в свои руки и навела порядок «вси общи начаша град крепити, а себе пристрой домовый готовити». В 1480 г. «чернь» в той или иной форме требует организации решительной обороны против Ахмата, требуя не выдавать столицу ордынцам.

В 1445 г. выступления горожан происходят фактически при отсутствии в Москве государственной власти, способной взять на себя организацию обороны столицы.

В 1480 г. положение принципиально иное. Подготовка Москвы к обороне происходит по инициативе и под руководством государственной власти как составная часть общих мер по отражению нашествия Ахмата.

Какое же реальное значение имеет в этих условиях позиции московских горожан? Несмотря на ноты социального протеста, в ропоте московских горожан одинаково трудно увидеть как «назревающее антифеодальное восстание» [1], так и выдвижение конкретной программы борьбы с Ахматом, принципиально отличающейся от правительственный.

Русские горожане – не предатели. В трудную для Отечества минуту они ду-

мают прежде всего не о своих «классовых интересах», а о борьбе с общим врагом – врагом России.

Позиция, занятая горожанами Москвы в критические дни осени 1480 г. имеет существенное значение.

Русский город XV в., и прежде всего Москва, – одна из важных социальных опор политики создания единого Российского государства. Горожане кровно заинтересованы в прекращении феодальной анархии и в защите от вражеских нашествий. Позиция московских горожан объективно укрепляет проводимую Иваном III политику решительной бескомпромиссной борьбы с нашествием. Готовность массы горожан упорно оборонять свою столицу обеспечивает твердость политической линии великого князя не в меньшей степени, чем «моления» «Совета и Думы». Пробыв в Москве четыре дня – с 30 сентября по 3 октября, великий князь «ста на Кременце с малыми людьми, а людей всех отпусти на Угру к сыну своему великому князю Ивану [Молодому]».

«Люди все» – это войска, двинутые к Угре для непосредственной обороны переправ через реку. В число их, вероятно, входили и те, кто был дополнительно мобилизован во время пребывания великого князя в Москве – дополнительные контингенты Московского полка.

В 1469 г. мобилизация для похода на Казань коснулась как богатых верхов московских горожан (сурожан и суконников), так и «прочих всех москвичь, кто приложе по их силе». В критические дни восхода хана к Угре напряженность мобилизации была, во всяком случае, не меньшей.

В число «прочих москвичь», по всей вероятности, входили рядовые жители посада «кто-то приложе по их силе».

При нападении немцев на Псков в том же 1480 г. псковичи провели тотальную мобилизацию – «все псковичи вседше скоро на конь». На защиту города встали все, кто только мог носить оружие.

Как было повсюду в средневековой Европе, ратники выставлялись с определенного числа городов или определенной меры доходов. Ратники вооружались и снабжались за свой счет. По имеющимся сведениям, во второй половине XV в. на Руси пеший ратник поставлялся с 5 дворов, конный – со 100 дворов. Это земское ополчение могло быть многочисленным, но плохо вооруженным. В боевых действиях

оно, как правило, играло вспомогательную роль. Для наступательных операций оно не годилось: в 1471 г. в Шелонской битве новгородское земское ополчение, насчитывающее десятки тысяч человек, было разгромлено служилой конницей московского великого князя, состоявшей не более чем из 5–6 тыс. всадников.

Но оборонять заранее подготовленные позиции такое ополчение могло. Развернутое вдоль берегов Оки, а затем Угры, оно составляло основу боевого порядка русских войск.

Главная ударная сила русского войска — конное служилое ополчение великого князя. Оно состоит из «детей боярских» и их боевых холопов. («Дети боярские» — это отнюдь не сыновья бояр, а мелкие и средние феодалы.) Это фактически профессионалы, закаленные в почти непрерывных боях с татарами на южном рубеже Русской земли.

Как же развивались события после 3 октября когда «князь великий поиде в Москвы к Угре против царя»?

Кременец стоит на реке Луже, в 110 верстах от Москвы и 40–50 верстах от Угры. Сама река Лужа, впадающая в реку Протву справа ниже Кременца, образует вместе с ней естественный оборонительный рубеж на юго-западном направлении от Москвы. По отношению к Угре это вторая оборонительная линия.

Занятие этой позиции в тылу войск, развернутых на берегу Угры, обеспечивает надежную связь с ними и прикрывает путь на Москву в случае прорыва ордынских отрядов через реку. Кременецкая позиция занимает фланговое положение к дороге Вязьма—Москва — возможному пути вторжения войск Казимира Литовского. Находясь в 2–3 переходах от этой дороги, Кременецкая позиция позволяет быстро выдвинуться на эту дорогу.

Ахмат шел «со всеми своими силами мимо Мценск и Любутеск и Одоев» к Воротынску — городку близ впадения Угры в Оку недалеко от Калуги. «Придоша Татарове и начаша стреляти Москвичь, а Москвичи начаша на них стреляти и пищали, и ущати, и многих побиша Татар стрелами и пищальми и отбища их от брега ...овии же придоша противу князя Андрея и овии против великого князя мнози, а овии против воевод вдруг приступиша».

Наиболее подробные сведения о боях на Угре содержит рассказ Вологодского-Пермской летописи.

Русские войска «ста по Оке и по Угре на 60 верстах». Если так, то русские войска прикрывали все среднее и нижнее течение Угры — примерно от Воротынска до Опакова.

Ахмат «прииде на Угу октябрь в 8 день, в неделю, в 1 час дни» [т. е. на рассвете]. Другую точную дату приводит владимирский летописец: «месяца октября в 6 день в пятницу приходил царь Ахмат к Уге реке». Не совпадая буквально, обе даты по существу не противоречат друг другу. Передовые отряды ордынцев могли появиться на Угре в пятницу 6 октября, а главные силы — на рассвете в воскресенье 8 октября.

Тогда же и начались попытки татар форсировать реку — «хотеша перевоз взятия». Бои за переправы продолжались четыре дня (т. е., очевидно, с 8 по 11 октября). Попытка форсировать Угу была отбита. Ахмат «не возможе берегу взятия и отступи от реки от Угры за две версты».

Новую попытку форсировать Угу ордынцы предприняли выше по реке. «Царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым Городищем, хотя переимати Угу, а не чая туто силы великого князя». По словам Московской летописи, 3 октября «князь великий поиде с Москвы к Угре противу царя Ахмата пришед он, ста на Кременце с малыми людьми».

Кременец, Опаков (одно из самых узких мест на Угре) и Калуга образуют равносторонний треугольник со сторонами примерно по 60–70 км. Гонец с донесением может достигнуть Кременца с любого места внутри треугольника менее чем за день.

Кременец стоит на высоком обрывистом берегу реки Лужи, среди покатых холмов, окруженнных лесом. Лесистая местность, вообще не благоприятная для развертывания конницы — главной силы ордынцев, — что, вероятно, учитывалось при выборе места для Ставки великого князя. На левом берегу Лужи еще в 80-х гг. ХХ в. можно было видеть четырехугольное, почти правильной формы городище с высокими боками, производящими впечатление насыпных. Может быть, это часть укреплений, воздвигшихся в 1480 г. Стратегические достоинства Кременецкой позиции верно оценил польский историк Ф. Папэ: она была «превосходна, ибо не только служила резервом для корпусов над Уграй, но еще заслоняла Москву со стороны Лит-

вы». Находясь в Кременце, русская Ставка имела возможность надежно держать в своих руках управление войсками, развернутыми на широком фронте, и своевременно реагировать на обстановку.

Неудача попыток Ахмата форсировать Угру и произвести вторжение в глубину Русской земли (хотя бы отдельными отрядами своей конницы) — основной фактор общей политической и стратегической обстановки, сложившейся ко второй половине октября. Русские войска успешно решили труднейшую задачу обороны водного рубежа (далеко не сильного по своим природным качествам) на широком фронте против мощного противника, обладающего многочисленной конницей. История войны европейского Средневековья не знает подобных примеров. Русским войскам в их почти непрерывной борьбе с ордынцами только дважды — в 1459 и 1472 гг. — удавалось отстоять оборонительные водные рубежи и не допустить вторжения противника. Но условия обороны на широкой многоводной Оке были намного легче, чем на извилистой, узкой и неглубокой Угре.

Победа в боях на Угре в октябре 1480 г. (так называемое стояние на Угре) — пример высокого оперативно-тактического искусства русского командования и яркая страница в военной истории нашего Отечества.

Однако опасность вторжения еще сохранялась: орда Ахмата стояла на берегу узкой реки и при первой возможности могла возобновить попытки ее форсирования.

Зима наступила рано и, по словам летописи, отличалась суровостью. «З Дмитриева же дни [26 октября] стала зима и реки все стали, а мраз и великия яко не мщно злети».

Установление ледового покрова существенно меняло оперативно-тактическую обстановку. Форсирование Угры с ее высокого правого берега значительно облегчалось для ордынцев, и в той же мере усложнялись задачи русских, оборонявших низкий левый берег Угры.

К этому времени, по-видимому, в состав русских сил влились полки Андрея Углицкого и Бориса Володского. Мятежные князья пошли на соглашение с великим князем — дипломатическое искусство великого князя, призвы матери, освящение Собора и собственное чувство любви к Отечеству оказались сильнее, чем высокомерные удельно-княжеские амбиции. Прибытие княжеских послов, естественно уве-

личивало силы русского войска (по нашим предположительным оценкам, примерно на 1,5–2 тыс. конных служилых людей). Еще «вкуснее» — морально-политический фронт — окончание удельно-княжеского мятежа.

Замерзшая Угра обостряет угрозу непосредственного вторжения Ахмата и заставляет принимать новое оперативно-тактическое решение. Такое решение — отвод главных сил с берегов замерзшей реки (которая не служит больше северным оборонительным рубежом) на тыловую Кременецкую позицию. По словам летописца, «Егда же река ста, тогда князь велики повеле сыну своему, великому князю, и брату своему князю Андрею и всем воеводам со всеми силами отступити от брега и прити к себе на Кременец, боящеся Татарского прехождения».

Кременецкая позиция, с одной стороны, прикрывала наиболее вероятные пути продвижения в глубь Русской земли, с другой — давала возможность быстро выдвинуть силы на любой угрожаемый участок Угры.

Реальная возможность перехода ордынской конницей через замерзшие реки сохранилась, и с этим, по-видимому, связан отвод войск от Кременца к Боровску. По словам типографской летописи, «князь же велики с сыном и з братьею и со всеми воеводами поиша к Боровьску, глаголюще, яко на тех полях с ними бой поставим». То же известие в других летописях — Московской и Вологодско-Пермской. Это означало отвод войск примерно на один конный переход (40 верст) к востоку, на берега реки Пратвы. Боровская позиция имела тактическое преимущество перед Кременецкой. Боровск — на правом берегу реки Пратвы: на холмах с хорошим обзором. Лесистая местность создает крайне неблагоприятные условия для развертывания конных масс. В то же время Боровск прикрывает пути на Москву не только со стороны Угры, но и со стороны Калуги. Из Боровска можно быстрее выдвинуться к среднему течению Оки между Калугой и Серпуховом. Однако вопреки ожиданиям русской Ставки Ахмат не только не предпринимает попытки перейти реку и вступить в сражение, но и начинает поспешно отступать от русских рубежей. «От Угры царь Ахмат побежал месяца ноября в 10 день, в пятницу» (по другим данным — 11 ноября).

Воскресенье, 12 ноября 1480 г. — первый день свободной, независимой России.

Он навек хранится в народной памяти как одно из самых драгоценных национальных сокровищ.

Морозным утром русские сторожевые посты впервые увидели перед собой пустую степь. Ахмат ушел, и ушел навсегда. Кончилось иго, тяготевшее над нашей страной двести сорок лет, на протяжении жизни восьми поколений.

Войскам, стоявшим на Угре и спасшим Русскую землю, оставалось победоносное возвращение в столицу. 28 ноября «прииде князь великий Иван Васильевич на Москву, и с сыном своим, великим князем Иваном Ивановичем, и с всеми силами. И взрадовавшиеся все люди радостию велию зело».

С точки зрения истории военного искусства победа на Угре – интереснейший феномен, не имеющий аналогов в военной истории средневековой Европы.

Оборонительная операция в сложных условиях войны против целой коалиции (Орда, орден, мятежные князья, возможно, Литва) заканчиваются полной победой обороняющейся стороны – победой, имеющей не только стратегическое, но и политическое значение.

В чем причина этой победы, которую без сомнения можно назвать великой? Главная причина – создание единого Российского государства. В отличие от Куликовской битвы ордынцам противостоит не союз князей, а единое государство с единым политическим руководством и с единой политической волей.

Государство создает систему управления войсками, которую в терминах XX–XXI вв. можно назвать Верховным главнокомандованием (ВГК) с его Ставкой. Все нити политического руководства – в руках Сталина, т. е. фактически главы государства, Верховного главнокомандующего. Не только вся власть, но и вся ответственность за судьбу страны.

На стратегическом уровне первая задача ВГК – выбор оптимального варианта плана (развертывания войск).

Как триста лет спустя писал Петр Александрович Румянцев, один из величайших русских полководцев, «искусство военное состоит в том, чтобы держать всегда в виду главную причину [цель. – Ю. А.] войны. Полководец... в предмете имеет один главный пункт и к оному течет со всем устремлением, тоелику одолением о него опровергает все другие, от того зависящие».

Этот «главный пункт» русское ВГК находит на южном направлении, на берегах Оки и Угры.

На оперативном уровне держа в своих руках реальное управление войсками, Ставка может рокировать силы по фронту, что и делается с выходом Ахмата к низовьям Угры.

На тактическом уровне оборона в данном случае – лучший образ действий. Отказ от наступления, связанного с большими потерями, позволяет сохранить боеспособность войск и добиться решительного результата при максимальной экономии сил – достичь победы «малой кровью». В условиях борьбы с целой коалицией врага это имеет существенное значение.

В целом кампания 1480 г. – пример гармонического сочетания дальновидной и твердой государственной политики, талантливой стратегии и искусного оперативного тактического руководства войсками.

Великая победа на Угре – не только спасение и слава России, но и выдающееся достижение военного искусства.

Один из важнейших вопросов – вопрос о численности войск. Решение этого вопроса для эпохи операции на Угре чрезвычайно затруднительно из-за отсутствием надежных источников. Как показали дискуссия и форум в Санкт-Петербургском государственном университете в феврале 2009 г., по этому вопросу существуют большие разногласия.

В походе 1471 г. на Новгород ударная группа, действовавшая на главном направлении, насчитывает по данным летописи примерно 5 тыс. служилых людей. Разумеется, полученные результаты могут давать только самое общее представление о порядке величин, а не о конкретной, точной численности. Надо полагать, что это были главные силы великокняжеского войска – не менее половины его состава. Значит, общее число служилых людей в походе 1471 г. не могло превышать 10 тыс. человек. Такую же примерно численность, вероятно, имели войска великого князя в походе 1477 г. В этом походе принимали участие все сыновья Василия Темного, кроме умершего в 1472 г. Юрия (чье земли перешли в руки великого князя). В духовной грамоте Василия Темного названы поименно 30 городов – в походе 1477 г. все они перечислены. Следовательно, по нашему предположению, в среднем

Рис. 2. Памятник на месте «стояния» на Угре (фото А. Е. Коровина, 2014 г.)

служилый город 70-х гг. XV в. выставлял примерно 300 служилых людей. За три года число служилых городов не увеличилось, и те же 30 городов составляли конное служилое ополчение во время «стояния на Угре». Если так, то на Угре могло быть развернуто примерно 9–10 тыс. конных служилых людей.

Единственный достоверный источник о численности русского войска в эпоху XV–XVI вв. — «Книга Полоцкого Похода 1563 г.». По подсчетам Е. А. Разина, в со-

ставе войска, сосредоточенного в Можайске в конце 1562 г. для похода на Полоцк, насчитывалось всего 33 407 человек, из которых 17 995 «детей боярских» — служилых конного ополчения. По мнению Е. А. Разина, в число «детей боярских» входили и их боевые холопы — по одному на каждого [1].

На основе десятен XVI в. Н. В. Смирнов установил, что при идеальном выполнении норм Уложения о службе 1556 г. служилые люди могли выставлять в поход по одному боевому холопу на двоих [2]. Если так, то в походе на Полоцк в 1562–1563 гг. участвовало примерно 12 тыс. служилых людей и 6 тыс. боевых холопов. В 1562 г., в отличие от 1480 г., служилыми городами были Псков, Тверь, Рязань и Новгород — следовательно, число служилых людей с их боевыми холопами было больше, чем во время «стояния на Угре». Принимая выведенное Н. В. Смирновым правдоподобное соотношение служилых людей и боевых холопов 2 : 1 и перенеся его ко временам Ивана III (что, конечно, очень рисковано, но допустимо — условия службы за эти десятилетия не могли принципиально измениться), получаем, что в распоряжении Ивана III в походах 1471, 1477, 1480 гг. могло быть примерно 6 тыс. служилых людей и 3 тыс. боевых холопов. Это и составило главную ударную силу русского войска.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Разин Е. А. История военного искусства / Е. А. Разин. — Т. 2. — М., 1957. — 378 с.
2. Смирнов Н. В. Реконструкция состава и численности русских и литовских войск в битве на Ведроше / Н. В. Смирнов // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. — М., 2012. — С. 599–624.